

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.21>

Шериева Нина Гумаровна

Оценка как важнейший компонент фразеологического значения (на материале кабардино-черкесских фразеологизмов)

Цель исследования - выявить нюансы смысловых значений фразеологизмов: как этические и эстетические представления кабардинцев и черкесов отражаются в оценочном, аксиологическом, компоненте значения ФЕ. Научная новизна работы заключается в отсутствии комплексного исследования фразеологизмов кабардино-черкесского языка с точки зрения аксиологии. В результате на материале более 50 фразеологизмов доказано, что аксиологический (оценочный) компонент семантики кабардино-черкесских фразеологизмов, как и в других языках мира, является социально-мотивированным и соответствует культурно-этическим и эстетическим представлениям кабардинцев и черкесов; выявлены такие оценки в семантике фразеологических единиц, как негативная с элементами отвращения, неприятия; негативная с элементами смешного; позитивная с элементами восхищения, одобрения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/12/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 12. С. 101-105. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.12.21>

Дата поступления рукописи: 11.11.2020

Цель исследования – выявить нюансы смысловых значений фразеологизмов: как этические и эстетические представления кабардинцев и черкесов отражаются в оценочном, аксиологическом, компоненте значения ФЕ. **Научная новизна** работы заключается в отсутствии комплексного исследования фразеологизмов кабардино-черкесского языка с точки зрения аксиологии. **В результате** на материале более 50 фразеологизмов доказано, что аксиологический (оценочный) компонент семантики кабардино-черкесских фразеологизмов, как и в других языках мира, является социально-мотивированным и соответствует культурно-этическим и эстетическим представлениям кабардинцев и черкесов; выявлены такие оценки в семантике фразеологических единиц, как негативная с элементами отвращения, неприятия; негативная с элементами смешного; позитивная с элементами восхищения, одобрения.

Ключевые слова и фразы: фразеологизм; аксиологический компонент значения; оценочный компонент значения; кабардино-черкесский язык.

Шериева Нина Гумаровна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик
nina.sherieva@mail.ru

Оценка как важнейший компонент фразеологического значения (на материале кабардино-черкесских фразеологизмов)

Аксиологический (оценочный) компонент фразеологической единицы, вне всякого сомнения, является важнейшей составляющей ее значения. Как известно, семантика фразеологической единицы (далее – ФЕ) весьма неоднородна и состоит из различных смыслов. Это связано с тем, что фразеологическая единица вторично называет явление/понятие, уже именованное в языке отдельным словом: разозлиться – *рвать на себе волосы*, обожать (кого-то) – *души не чаять* (в ком-то). В. П. Жуков утверждал, что фразеологизмы – это «избыточные» факты языка, «образные синонимы» слов [5, с. 28]. Фразеологическая единица явление (понятие, ситуацию) означает заново, придав ему дополнительные смыслы. Это, прежде всего, сам образ, который стоит за всей фразеологической единицей – выбор образа говорит о многом.

Теоретической базой данного исследования послужили труды советских, российских ученых в области языкознания. Это работы А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского, В. П. Жукова, В. Н. Телия, Р. И. Яранцева и других [1; 5; 11; 14]. **Методами** предлагаемой научной работы являются метод наблюдения и описательный метод.

Практическая значимость статьи заключается в возможности разработки спецкурса по общей и кабардино-черкесской фразеологии для филологических факультетов.

Актуальность представляемой работы определяется слабой разработанностью аксиологического компонента фразеологических единиц кабардино-черкесского языка.

Мир образов того или иного народа представлен, как считают многие лингвисты, языковыми символами, эталонами и стереотипами. Они запечатлены в культурной памяти народа, поскольку язык является «хранилищем, транслятором и знаковым воплощением культуры» [11, с. 210]. Фразеологический образ, тесно связанный с национальным мировидением, очень ярко отражает систему образного мышления нации, ее приоритеты. Образ часто превращается в культурный символ, он выражен в составе ФЕ, представляя собой название конкретного денотата, замещающего абстрактное понятие.

Кабардино-черкесская фразеология, к сожалению, является малоизученной. Существует всего лишь несколько работ. Это «Кабардинско-русский фразеологический словарь» Б. М. Карданова (1968) [6]; его же монография «Фразеология кабардинского языка» (1973) [7], которые в настоящее время являются библиографической редкостью.

В последующие годы появились словари современных авторов по кабардино-черкесской фразеологии: Б. Ч. Бербеков, Б. Ч. Бижоев, Б. К. Утижев «Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка» (2001) [2], Б. Ч. Бижоев «Школьный толковый словарь кабардино-черкесского языка» (2015) [3]. Но, к сожалению, они доступны лишь читателям, владеющим кабардино-черкесским языком, поскольку толкования и комментарии даны на этом языке.

Хочется отдельно отметить монографию Н. У. Вороковой «Этнокультурная специфика идиоматики» (2003) [4], в которой содержится подробный анализ кабардино-черкесской фразеологии.

В последние годы лингвисты выявляют элементы значения во фразеологических единицах, восходящие к социальной культуре: одобрение/восхищение/осуждение/сарказм/насмешка/пренебрежение/отвращение. В рамках данной статьи сложно определить удельный вес таких фразеологизмов в составе языка, да и подобная статистика вряд ли представляет интерес для лингвиста.

Таким образом, **задачами** данной статьи являются:

- выявить, какие дополнительные смыслы имеют кабардино-черкесские фразеологизмы с негативной оценкой;

- определить, всегда ли смыслы насмешки связаны с негативной оценкой;
- установить, какие дополнительные смыслы имеют кабардино-черкесские ФЕ со значением «прекрасное».

Аксиологический компонент значения ФЕ любого языка (в данном случае кабардино-черкесского) теснейшим образом сопряжен с культурой народа, с его представлением о добре и зле, о красивом, прекрасном и безобразном. Также в аксиологических компонентах фразеологических единиц можно найти все градации смешного: от доброй насмешки до беспощадной сатиры. Фразеология раскрывает скрытые для поверхностного взгляда смысловые течения, соотносимые с представлениями народа о должном и недопустимом, о рекомендуемом и отвратительном, о прекрасном и безобразном.

Социальная культура всегда объясняет семантику идиом, их этические смыслы. В восприятии и использовании ФЕ огромное значение имеет аксиологический (оценочный) компонент значения фразеологической единицы. Образная составляющая, внутренняя форма фразеологизма также содержат в себе элементы аксиологии. Трудно оспорить положение о том, что ФЕ, в своей аксиологии, безусловно, могут оценивать то или иное явление, ситуацию не только с сиюминутной, субъективной позиции, но и с точки зрения общественного одобрения или порицания, что выражает, в свою очередь, этическую, эстетическую оценки и прямо выходит в культуру народа-носителя данного языка и творца искомой ФЕ. Так, в книге А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского «Аспекты теории фразеологии» утверждается, что «в образной составляющей идиомы присутствует компонент, отсылающий к категориям культуры» [1, с. 262].

Безусловно, только часть фразеологизмов любого языка содержит аксиологический компонент значения идиом. Вопрос о наличии этических предписаний в идиоматике того или иного языка не подлежит сомнению. Однако, как правило, такие смысловые категории принято приписывать паремиологическим единицам: пословицам, поговоркам и пр. О наличии этических смыслов в семантике идиом, как уже отмечалось, заговорили лишь недавно.

Этика является частью культуры, она корнями врастает в нее, составляет ее большую часть. Этика регулирует и оценивает, соотносясь с глобальными культурными смыслами. То, что ценно в одной культуре, возможно, не будет иметь ценности в другой. И наоборот. Так, П. А. Сорокин утверждает, что каждая культура «обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образцом “святости”, собственными представлениями правого и должного, собственными формами изящной словесности и искусства, своими правами, законами, кодексом поведения, своими доминирующими формами социальных отношений, собственной экономической и политической организацией, наконец, собственным типом личности со свойственным только ему менталитетом и поведением» [10, с. 426].

Однако существуют, вне всякого сомнения, общечеловеческие ценности, идеалы, которые могут одновременно выполнять и функции регулятивов. «Содержащиеся в культуре регулятивы определяют принятые в данной культуре нормы поведения и деятельности, т.е. указывают, какие пути и средства для достижения целей допустимы, а какие – нет. Регулятив – это требование или правило, в соответствии с которым люди строят свое поведение и деятельность» [8, с. 3].

Понятно, что идеалы, ценности, а также табу закрепляются в языке, тем самым становясь видимыми, значимыми, приобретают качество неписаного закона.

Выше было сказано о том, что выбор образа никогда не бывает случайным, и часто он говорит о предпочтениях говорящего: хочет он одобрить собеседника или покритиковать, высмеять. Так, образное основание во многом говорит об оценке: положительной или отрицательной. По мнению Н. У. Вороковой, «морально-нравственные, этические и эстетические категории тесно связаны с аксиологическим компонентом в составе семантики ФЕ» [4, с. 146].

При исследовании фразеологического состава языка обычно прибегают к так называемому идеографическому подходу. Так, для описания фразеологии обычно применяют либо полевой подход и распределяют сами идиомы по алфавиту [13], либо выбирают подход, при котором фразеологизмы распределяют по большим группам и подгруппам [12; 14]. Для установления особенностей аксиологического компонента ФЕ, выявления важнейших оценок наиболее показательно было бы использовать метод случайной выборки из всего состава кабардино-черкесских идиом.

Добро и зло в семантике кабардино-черкесских ФЕ

Хочется напомнить высказывание А. А. Радугина о том, что «первые нравственные регулятивы человечества – долг, стыд и честь» [9, с. 18].

Добро и зло во фразеологии языков мира четко обозначены. Разумеется, имеется немало фразеологизмов с нейтральным оценочным значением. Здесь смыслы сфокусированы лишь в образе фразеологической единицы. Однако во многих случаях нетрудно понять, что одобрение, осуждение или нейтральная оценка стоят за определенным выражением. В значении фразеологизма, как правило, можно найти одобрение или неодобрение в культуре народа и далее можно также еще более конкретизировать характер этого одобрения/неодобрения. В этом помогает носителю языка и нам, исследователям, внутренняя форма данной идиомы, а также характер образа, который лежит в основе всего выражения.

Материалом для исследования послужили ФЕ, заимствованные из различных словарей как русского, так и кабардино-черкесского языка [2; 3; 6; 12-14]. Так, кабардино-черкесский фразеологизм *цъыбагъ фоч* (букв.: ружье, спрятанное за спиной) (здесь и далее перевод автора статьи. – Н. Ш.) имеет значение «быть коварным, скрытным, опасным человеком». В русском языке это примерно соответствует фразеологизму *держат камень за пазухой*. Сходное значение имеет также фразеологизм *мэлыфэ зытеубгъуа дыгъужь* (букв.: волк в овечьей

шкуре). Фразеологизм *мафIэм къуацэкIэ хоуэ* (букв.: в огонь хворостом ударяет) употребляется в значении «усугубить и без этого сложную ситуацию». Этому смыслу соответствует русская ФЕ *подливать масло в огонь*. Коварство, скрытность, жестокость характеризуют также того, о ком кабардинцы говорят *гу эзкIуэцIыль* (букв.: завернутое сердце), а русские о таком человеке сказали бы *его душа потемки*. Сходным значением обладает и кабардино-черкесский фразеологизм *хэ цэхурыпхуэ* (букв.: собака, хватающая исподтишка). Всем приведенным фразеологизмам свойственны отрицательные оценки с элементом осуждения, неодобрения, неприятия.

Такие ФЕ, как *зытемыльым тху трех* (букв.: снимает масло оттуда, где его нет); *Iэнэм къешэкIын* (букв.: обводит вокруг пальца), *зыыхьа псы жэбзэнкьым* (букв.: вода, в которую он вступил, не станет прозрачной), имеют сходное значение, они употребляются в отношении нечестного, хитрого, расчётливого человека. Негативная оценка, кроме осуждения, включает в себя также элемент пренебрежения. Этим ФЕ соответствуют следующие варианты из русского языка: *пускать пыль в глаза; обвести вокруг пальца; нечистый на руку*.

Фразеологизм *и куцI ифын* (букв.: высасывать чай-л. костный мозг) также имеет негативную оценку, однако в ней преобладает смысл «жестокий, беспощадный человек». Ему соответствует русский фразеологизм *пить чью-либо кровь*. Кабардино-черкесский фразеологизм *е къамылкьым, е мылыфкьым* (букв.: ни камыш, ни трава) обозначает что-то или кого-то с неопределёнными признаками, взглядами и т.д. Здесь присутствует также негативная оценка с оттенком пренебрежения, насмешки. Этому выражению приблизительно соответствует русское *ни Богу свечка ни черту кочерга*.

Как известно, в количественном отношении фразеологизмов с негативной оценкой гораздо больше, чем с позитивной. Мы выбрали некоторые кабардино-черкесские фразеологизмы с позитивной оценкой:

и Iэгу и Iэнэц (букв.: его ладонь – его стол) соответствует русскому выражению *широкая натура*;

и кIэ темытIысхьэжу (букв.: на свой подол не садясь) соответствует русскому выражению *не приседая (работать)*;

Iуэхур ткIийуэ гъэувын (букв.: дело поставить негибаемо) соответствует русскому выражению *поставить вопрос ребром*;

жыткIэ Iейкьым (букв.: не плох карманом) соответствует русскому выражению *щедрая душа*;

джатэ ихам хуэдэц (букв.: как обнаженный меч) соответствует русскому выражению *горит в руках (дело)*;

фочым къикIа шэуэ (макIуэ) (букв.: пулей, выпущенной из ружья, (движется)) соответствует русскому выражению *в мгновение ока*;

фэдэнымрэ тасмэдрэ хуэдэц (букв.: как (кожаная) нить, игла и игольница) соответствует русскому выражению *куда иголка, туда и нитка*;

и Iэнэм дыцэ къыпоц (букв.: с его рук сыплется золото) соответствует русскому выражению *золотые руки*.

Безобразное и градации смешного в семантике кабардино-черкесских ФЕ

По нашим наблюдениям, фразеологии вообще и кабардино-черкесской в частности свойственно выражение негативных смыслов с помощью хлесткой метафоры, тяготеющей к гротеску. На наш взгляд, в значении фразеологических единиц, имеющих негативную оценку, очень часто присутствует элемент смешного. Это чаще всего сарказм, сатира. Благодаря этому речь, включающая в себя такие ФЕ, становится сочной, выразительной, запоминающейся. К примеру:

дакьэжь мафIэу зэцIэнац (букв.: загорелся, зажегся, как старый пень) – распалился, разозлился;

Iэнэляпэр ихэн (Iэпацхьэ-ляпацхьэр ихэн) (букв.: пальцы рук и ног (кончики пальцев рук и ног) чешутся) – воровать, красть;

Iэбэлябэ хэлын (букв.: иметь в привычках брать чужое) – в русском языке имеет соответствие *нечист на руку*;

дунейр бжыакьуэпкIэ зэредзэ (букв.: вселенную трясет кончиками рогов) – бесится, бушует;

уафэм бжыакьуэкIэ епыджын (букв.: рогами бодать небо) – злиться, беситься, негодовать;

сабэ дэпхьейн (букв.: пыль подбрасывать вверх) – злиться, беситься;

шэрэзыр къидзын (букв.: жало высунуть) – разгневаться, разозлиться на кого-либо;

пэцыр илыгьуэн (букв.: опалить волосы в ноздрах) – прийти в ярость;

и Iэр хуэмыубыдын (букв.: не смочь удержать руки) – воровать, красть; смысл данного фразеологизма можно передать русской ФЕ *брать все, что плохо лежит*;

пэцыр ичын (букв.: рвать волосы в ноздрах (у себя)) – взбеситься, прийти в ярость;

Iэбжыанэ-лэбжыанэ фIэгьэнэн (букв.: уцепиться ногтями рук и ног) – означает «не упустить свою выгоду любой ценой»;

(уи) дзэр къэкIац (букв.: (у тебя) зубы прорезались) – смысл этого фразеологизма можно передать русской ФЕ *зуба не дура*;

аргьуей зэз, бзу кхьуей (жи) (букв.: комариной желчи, воробьиного сыра (желать)) – значение данной ФЕ близко по смыслу к русской ФЕ *с жиру беситься*;

и фэм икIын (букв.: выйти из своей шкуры) – данное выражение полностью по внутренней форме совпадает с русской ФЕ *лезть из кожи*;

хуэмыза лыфIиц (букв.: доблестен муж, еще не встречавший преград) – соответствует по смыслу русскому выражению *пороху не нюхал*;

жыыр къыщепцэр шцIэркьым (букв.: не знает, откуда ветер дует) – к данному фразеологизму также можно найти русскую ФЕ, полностью соответствующую по внутренней форме: *не знает, откуда ветер дует*;

Іэнэм тефыщІыхьын (букв.: на столе устроить разор) – можно передать смысл данной ФЕ с помощью русского выражения *с голодного края*;

кхъуэбанэ жыльэу къинащ (букв.: прицепился, как семя чертополоха) – можно передать русской ФЕ *пристал как банный лист*.

Данные фразеологизмы содержат негативную оценку, описывают и осуждают зло. В то же время нетрудно заметить, что фразеологизмы, приведенные в данной группе, действительно смешны: действия, описанные во внутренних формах кабардино-черкесских фразеологизмов, не могут не вызвать улыбки, смеха или хохота.

Однако не все кабардино-черкесские фразеологизмы с негативным значением содержат элементы смешного. Так, фразеологизм *мывэ тыкъьыриц* (букв.: словно кусок камня) означает «жестокый, бессердечный, непробиваемый» и не содержит смысловых элементов смешного. Значение данного фразеологизма можно передать русским выражением *хоть кол на голове теши*. Фразеологизм *Іэбжъанэ флей* (букв.: грязные ногти на руках) образно называет человека нечестного, склонного к воровству. Здесь также отсутствуют смысловые градации смешного. Значение данной ФЕ можно передать русским выражением *нечист на руку*.

В то же время имеется немало кабардино-черкесских фразеологизмов, содержащих насмешку, но их значение в целом позитивно, часто содержит элемент эмпатии: такие выражения высмеивают, но не осуждают. Приводим некоторые из них с русскими смысловыми эквивалентами:

пхъамплэм хуэдэу уэдиц (букв.: тощий, как щепка) – *худой как палка*;

бзу шихын кІэрылькъым (букв.: и воробью не хватит на еду) – *в чем душа держится*;

джэдылэм здихъа бабыцу (букв.: подобно утке, унесенной мором кур) – *ни за что ни про что*;

къуым и щІылу гуэрэфц (букв.: на плешь ещё и нарыв) – *на лысине чирей*;

хъэпІацІэ гъэлыбжъэн (букв.: насекомых зажаривать) – *сидеть на хлебе и воде*;

кІэр бжыхьым дэхуэжын (букв.: хвост в плетень влести) – *положить зубы на полку*;

пхъащІэр пкІэльъеинищц (букв.: плотник без лестницы) – *сапожник без сапог*;

мыл джей вы техъа хуэдэу (букв.: как вол на гладком льду) – *как корова на льду*;

джэдыгу пІаргъ (букв.: ссохшаяся шуба) – *чучело огородное*.

Прекрасное в семантике кабардино-черкесских ФЕ

Прекрасное в любом языке мира не оспаривается, не высмеивается, а служит предметом восхищения, преклонения, подражания. Приведем некоторые кабардино-черкесские фразеологизмы со значением «прекрасное, красивое». Мы подобрали к ним наиболее подходящие по смыслу, на наш взгляд, русские фразеологизмы:

сурэт тхам хуэдэц (букв.: словно нарисована) – *писаная красавица*;

пхъуантэм хуэдэц (унэр) (букв.: дом) как сундучок) – *(дом) как игрушка*;

ужьэ хуэдэу цэбакІуэ (букв.: движется, как ласка) – *плывет лебедушкой*;

бжъо кІуэкІэ (букв.: идет, словно лань) – *выступает, будто пава*;

пІырыпІ гъэщам хуэдэц (букв.: как тугой бутон физалиса (о девушке)) – *кровь с молоком*;

хышхуэ тхъэрыкъуэу (щІыкІафІэц) (букв.: как морской голубь (грациозна)) – *как березка, стройна*.

На материале данной небольшой статьи можно сделать некоторые **выводы**:

1. Фразеология кабардино-черкесского языка проявляет смысловые универсалии, свойственные идиоматике языков мира: содержит ФЕ с негативной и позитивной оценкой, а также фразеологизмы со значением «прекрасное и безобразное».

2. Фразеологизмы с негативной оценкой могут содержать в своем значении также дополнительные элементы смешного; как правило, это сатира, гротеск. Многие фразеологизмы кабардино-черкесского языка, имеющие в своем значении смысл насмешки, могут не содержать негативной оценки. Напротив, можно отметить дополнительные элементы эмпатии в их значениях.

3. Фразеологизмы, отражающие прекрасное в представлениях кабардино-черкесского социума, содержат дополнительные смыслы восхищения, преклонения.

Перспективы и направления дальнейших исследований видятся в дальнейшем изучении и описании фразеологии разносистемных языков в плане аксиологического компонента значения ФЕ.

Список источников

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
2. Бербекоев Б. Ч., Бижоев Б. Ч., Утижев Б. К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эльбрус, 2001. 240 с.
3. Бижоев Б. Ч. Школьный толковый словарь кабардино-черкесского языка: около 7000 слов. Нальчик: Эльбрус, 2015. 376 с.
4. Ворокова Н. У. Этнокультурная специфика идиоматики. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. 160 с.
5. Жуков В. П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 267 с.
6. Карданов Б. М. Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968. 342 с.
7. Карданов Б. М. Фразеология кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1973. 245 с.
8. Кармин А. С. Основы культурологии. Мифология культуры. СПб.: Лань, 1997. 507 с.
9. Радугин А. А. Культурология. М.: Библионика, 2005. 303 с.
10. Сорокин П. А. Социодинамика культуры. М.: Директ-Медиа, 1992. 463 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284 с.
12. Телия В. Н. Словарь образных выражений русского языка. М.: Отечество, 2000. 366 с.
13. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Изд-е 4-е. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
14. Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М.: Русский язык, 1981. 304 с.

Evaluation as Essential Component of Phraseological Meaning (by the Material of the Kabardian-Circassian Phraseological Units)

Sherieva Nina Gumarovna, PhD

Institute for the Humanities Research (Branch) of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik
nina.sherieva@mail.ru

The study aims to identify shades of semantic meaning of phraseological units: how the Kabardians' and the Circassians' ethical and aesthetic views are reflected in the evaluative, axiological component of phraseological units meaning. The work is novel in that there has not been a comprehensive study of phraseological units of the Kabardian-Circassian language conducted from the standpoint of axiology. As a result, using the material of more than 50 phraseological units, the author has proved that the axiological (evaluative) component of semantics of the Kabardian-Circassian phraseological units, just like in other languages of the world, is socially motivated and matches the Kabardians' and the Circassians' cultural-ethnic and aesthetic views; such types of evaluation as negative with elements of disgust, aversion; negative with elements of the ridiculous; positive with elements of admiration, approval have been identified in semantics of phraseological units.

Key words and phrases: phraseological unit; axiological component of meaning; evaluative component of meaning; Kabardian-Circassian language.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.22>

Дата поступления рукописи: 09.10.2020

Цель исследования – проследить историю изучения подражательных слов в удмуртском языке. Данная категория слов в удмуртском языкознании является одной из сложных и спорных частей речи. *Научная новизна* заключается в комплексном анализе работ, затрагивающих в той или иной степени вышеупомянутый разряд слов, служащих для условного изображения различного рода звучаний, сопровождающих действия или состояния предметов окружающей действительности, или для передачи с помощью звуков зрительных восприятий движений, состояний, качеств и т.д. *В результате* определено, что большинство ученых-лингвистов удмуртского языка вплоть до 90-х годов прошлого столетия склонны были относить данную категорию к неизменяемому классу слов, а в лексико-грамматическом плане – к наречиям или междометиям, основываясь лишь на тех фактах, что подражательные слова не склоняются и не спрягаются.

Ключевые слова и фразы: морфология; подражательное слово; наречие; междометие; удмуртский язык.

Шибанов Алексей Александрович, к. филол. н.

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск
jarik7979@mail.ru

История изучения подражательных слов в удмуртском языке

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактором, что, несмотря на некоторые оживления в области исследования грамматики удмуртского языка, вопросы, касающиеся подражательных слов, до настоящего времени остаются неизученными. Необходимость изучения подражательных слов в удмуртском языке назрела и должна быть разрешена. Подражательные слова на протяжении долгого времени оставались за рамками специальных научных исследований.

Для достижения указанной цели определили следующие *задачи*: во-первых, по возможности представить читателю все имеющиеся научные труды, в которых в той или иной степени затронуты подражательные слова, начиная с первой грамматики удмуртского языка 1775 года; во-вторых, описать каждый представленный труд в отдельности.

При написании данной статьи использовались следующие *методы исследования*: метод сплошной выборки, описательный, сравнительный и сопоставительный методы.

Теоретической базой исследования послужили работы С. В. Воронина [5], А. М. Газов-Гинсберга [6], В. Скалички [15], С. В. Соколова [16] и др.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при составлении учебных пособий и грамматик для вузов, в частности, при описании истории изучения вопроса, а также при составлении научной грамматики удмуртского языка.

В удмуртском языке очень широко представлены слова, именуемые в языкознании подражательными, звукоподражательными, изобразительными, мимемами, ониматопэтическими и т.д.

Первая грамматика удмуртского языка «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» [17] в теоретическом плане ониматопэтические слова не характеризует. В качестве примеров употребляются лишь следующие звукоподражательные глаголы: **цютысько** 'хромаю' [Там же, с. 97], **бэксысько** 'блею' [Там же, с. 101], **цюпасько** 'ц'флюю' [Там же], **зингылтысько** 'звеню' [Там же, с. 105].